

Чёрный дождь

Автор:

Аркадий Пасман

Чёрный дождь

Аркадий Пасман

Правда и ложь. Сон и явь. Как легко и как сложно провести грань между этими понятиями. Молодой ученый видит сны, слишком похожие на будущее, которое может ожидать наш мир после атомной катастрофы. А молодой дикарь из этих снов видит остатки исчезнувшей цивилизации. Что это? Бредовые фантазии, манипуляция сознанием или действительно прорыв информации о кошмарном будущем? И что может сделать маленький человек в этой невероятной ситуации?

«Неосуществившиеся дела

нередко вызывают ката-

строфическое отсутствие

последствий».

Станислав Ежи Лец

глава первая

Мне кажется, что так, как сейчас, было всегда. Это только Старые, собравшись вечером у очага, рассказывают иногда длинные мудреные истории о каких-то

давным-давно прошедших временах. Перебивают друг друга, торопятся, слюной брызжут – смех, да и только! А потом вдруг замолчат, собьются в кучку у огня и сидят нахохлившись – точь-в-точь замерзшие вороны...

Вообще-то обычно Старые не врут. Наоборот, всему, что мы знаем и умеем, мы научились от них. Ведь почти все учителя – Старые. И Врач – Старый. Его зовут Миха, он все может. И зубы лечит, и живот, и колючки Серой Цапки вытаскивает – будь здоров! А прошлым летом я с Волом и Колом лазил в Цех, за железом, – Кузнец велел, только он говорил через ворота идти, а это далеко, вот мы через стенку и полезли, а она как грохнется! Я ногу сломал. Больно – жуть! Но не орал, что я, маленький? Молчал, только зубы скрипели. Ну, притащили меня в дом, сил уже нет, думаю – сейчас помру. А Старый Миха сварил травы, дал выпить – сразу полегчало, я заснул. Пока спал, он мне к ноге две деревяшки привязал – зажило, как на собаке. Это тоже Старые так говорят. А откуда им знать, как на Собаках заживает? Видно, опять старая поговорка – ведь к Собакам лучше близко не подходить, месяц назад в соседнем Доме опять двух охотников разорвала Стая...

Может, конечно, на них быстро все заживает, вот только я их живыми ближе, чем за сто шагов не видел, и другим не советую. В ловушку собаку не поймать, раненых своих они быстро добивают, а мертвые все одинаковые, что кролик, что ворона, что собака. Только Собака вкуснее. Мать собачатину здорово с картошкой и хлюстом тушит...

Что-то опять жрать захотелось. Мне почти все время жрать хочется. Все смеются, а чего смеяться? Я, что ли, виноват? Отец говорит, что я расту, мне много еды надо, а где ее взять много? Вот и сосет все время в брюхе. Даже когда с охоты придем – налопаюсь – глаза выпучиваются, а маленько времени пройдет – опять сосет. Расту, значит... Вон Кол – он насколько меня старше, а я его здоровей и выше, и копьё кинуть могу шагов на двадцать дальше, и вообще...

Скорей бы время шло. Хуже нет, вот так сидеть без дела, на небо глядеть, тучи пасти. Смех! Это Кима придумала – "пасти". И не пасти вовсе, а следить – вдруг тучи Дождь нагоняет. Вот сама смеется, а небось крикни я сейчас: "Эй, люди! Дождь близко!" – первая в Дом помчится, только ее и видели!

А вообще-то дождь дождю – рознь. Если Северный Дождь – так и пускай. Переждать его, и снова наверх можно... От кустов только подальше держись, чтоб не накапало, а так – ничего опасного. Южный – тоже не страшно.

Восточный... Вот Западный – это да. Лучше не надо. Хорошо, хоть редко бывает, но зато уж надолго запоминается. Я вот за свою жизнь три раза Черный Дождь видел. Первый раз совсем пацаном был, не понял ничего, только смотрю – сверху загремело что-то, и все забегали, смехота! Двери, окна позакрывали – темно в Доме. Отец велел лечь, мать меня схватила, к себе прижала, а сама дрожит. Мне и страшно, и смешно. "Спи, – говорит. – Спи, сынок". А чего спать, когда день на дворе? Я ору: "Не хочу спать, хочу гулять!" – "Нельзя гулять, – говорит, – Черный Дождь идет..." Потому и запомнил.

В тот раз мы недолго в Доме просидели – Дождь быстро кончился, а Солнце как раз выглянуло, и все обсохло... А потом и трава снова выросла, будто Дождя и не было вовсе.

Другой раз Дождь внезапно налетел. Ветер был сильный, Западный, а тучи низко-низко шли, над самой землей. Тогда Виса дежурил, проглядел. Ветер-то холодный, он за камнем прятался. Глядел на небо, глядел, а тучи почти у самой земли были... Хорошо еще, что Старый Горла на охоту не ходил. Он, когда Западный ветер, всегда дома остается, ломает его всего – четыре лета назад Стая его рвала, еле отбили, так вот он в Доме остается, сидит у огня в одеяле и дрожит. А тут отпустило маленько, он и вышел наверх подышать. Глянул на Запад да как заорет: "Люди! Спасайтесь! Черный Дождь!" Голос у Горлы здоровый, даром что Собаки чуть на куски его не разорвали, по всей долине слышно. Народ так и кинулся к Дому.

Мы как раз вместе с Колом кротинные ловушки проверяли – в тот раз хорошая добыча попалась: штук двадцать зверьков – здоровенных! Только мы их перебили да в мешок покидали, как слышу – Горла орет. Кол бежать, я мешок на плечи и за ним. Полпути пробежали, а тяжело все-таки, остановился я мешок поправить, оглянулся – мамочки мои!

Небо низкое, черное, как камни в цехе, все клубится, клубится, и пухнет, пухнет... А из земли в небо столбы дыма растут, извиваются, качаются, вертятся на месте... Как только столб до неба дотянется, так сразу треск, и вниз шары огненные катятся... И тишина кругом, даже ветер стих, только издали какое-то хлюпанье доносится, как будто кто-то кисель хлебает беззубым ртом...

Стою я, глаз оторвать от Дождя не могу, а он все ближе, ближе... Хорошо, Кол обернулся да как заорет на меня: "Ты что встал, сдурел? Беги, пропадем"! Тут я словно очнулся – и бежать следом, а он не унимается: "Брось, – кричит, – мешок!"

Брось, пропадем!" Ну да, чтобы я добычу бросал!

Добежали мы до Дома, скатились вниз по лестнице – как ноги не переломали, смехота! – и за нами двери – бух – захлопнули, щели мешками с песком заткнули и кольями приперли... Тут все давай меня ругать, а на меня смех напал – они ругаются, а я смеюсь, сильнее ругаются – сильнее смеюсь, потом икать начал, ничего поделать не могу – икаю и икаю. Хорошо, Миха травы дал попить – отошло. Правда, не сразу, но отошло...

А между прочим, зря ругались. Как дело дошло, так кротов моих за милую душу слопали, ведь почти три недели пришлось в Доме взаперти просидеть.

Сразу-то не разобрались, а когда старший всех сосчитал, двоих и не было... Вола не было и Гати-маленькой... Не успели, видно... Ана, Гатина мать, кричала, наверх рвалась, ее Старые держали, не пустили...

Как просохло все, Старший взял Кола, меня, Вису, братьев Хрупов, и мы наверх полезли. А наверху, гляжу – вот тебе и раз! Ни травинки, ни кустика, только земля черная, и камни черные, и железки, что Кузнец у входа в Дом сложил, черные-пречерные. Мы у двери стоим, выйти страшно, а Старший головой повертел, понюхал и с холма прыгнул. "Не бойтесь, говорит, – можно идти, опасности нет!" Старший опасность нутром чувствует. Если говорит – можно, значит, можно.

Мы два дня искали. Гати так и не нашли, а Вола нашли. Только он помер уже и здорово, видно, мучился – землю грыз, руками царапал. А на руках ни кожи, ни ногтей... На голове все волосы вылезли... Сам черный, как сажа. Не любил я Вола – здоровенный он был и жадный, все надо мной подсмеивался, дразнил: "Каня-Кан, таракан, уши холодные...", а тут посмотрел на него, и нехорошо мне стало. Не то, чтобы жалко, хотя и жалко тоже, а как-то совсем нехорошо... Виса тут же стоит, плачет, а Старший ни словечка ему не сказал, поглядел только. Молча так поглядел, внимательно. Ох, не хотел бы я, чтобы на меня так Старший посмотрел.

Хотели мы Вола на могильник отнести, Старший не велел. Прямо на месте мы его камнями прикрыли, а сверху Старший кусок железа положил, чтобы Собаки не добрались. Собаки железного запаха как огня боятся, а крысам камней не перевернуть, слабо.

Последний Дождь прошлым летом был. Но слабый, мелкий, до нас не дошел, над Собачьим Логом выдохся. Наши все перепугались, сразу в Дом кинулись, а оказалось – зря. И хорошо, а то бы опять в темноте сидеть. Обошлось. Но ведь вот что интересно – Собаки тоже под Дождь не попали. Они всегда убегают, как только тучи подходят или земля трястись собирается. Всей Стаей убегают, далеко куда-то. А потом обратно приходят – целехонькие. Видно, у них тоже кто-то за небом следит.

Нет, похоже, сегодня Дождя не будет. Зря Старый Выха мне с утра твердил: "Гляди, ой, в оба гляди, Каня! Кости у меня ломит – быть Дождю!" У него кости, чувствую, чуть не каждый день ломит, а ветер сегодня Северный, и солнце вот-вот зайдет, а Дождь только до захода солнца бывает – это каждый младенец знает.

Северный ветер – он хоть и холодный, но зато безопасный. При нем и Дождя почти не бывает, и Собаки не шастают – сидят в норах в Собачьем Логу, носа наверх не кажут. Страх, как рыжие Северного ветра боятся, смехота!

Одно плохо, понагнал ветер прямо к Дому Серой Цапки. Вон сколько шаров – и не сосчитать! Теперь глаз да глаз, а то зазеваешься – она и хлестанет тебя своими колючками, за десять шагов достанет, а человека еще дальше чует. Попало – беги к Врачу, пусть выковыривает, и чтоб ни одной не пропустить, а то начнет проращать – все, не жилец...

А ведь осень уже, точно, кончилось лето! И небо тусклое, и трава сухая, и кусты пожухлые, и Цапку, вон, ветер катает, как хочет, взад-вперед... То-то холодно уже, на одном месте не постоишь... Ничего, маленько осталось, наши вон уже к Дому сходятся, и дымком тянет, видать, ужин готовят... Скорей бы, а то в животе сосет, сил нет. Вот сядет солнце, и конец, можно вниз идти... отогреюсь, порубаю – и спать... Завтра надо будет ловушки проверить и хлюста свежего на Дальней Горке побольше надергать – квасить пора... Хотя Старший и сам знает, когда что делать.

глава вторая

Пол в комнате мелко задрожал. Задрожали стены, потолок, душный воздух. Дрожание перерастало в вибрирующий гул, сначала низкий, затем все выше и выше, и наконец в оглушительный, свербящий визг.

– С добрым утром!

Вообще-то мне можно обходиться без будильника, его вполне заменяет межконтинентальный авиарейс в 6.30 утра. Черт бы побрал эти новые самолеты, ревут, как иерихонская труба.

"А может быть, стены Иерихона рухнули оттого, что внутри их слишком много дули в фанфары? Кто это сказал? Какой-то немец. Или поляк..." Гул все не утихает. Да он что, кружит, что ли? Наверное, опять взлететь не может. В этом году уже трижды самолеты бились. И каждый раз на взлете. Разбежится – и бабах!

Все, улетел. Значит – 6.35. Еще минут пятнадцать-двадцать можно поваляться. Или сделать зарядку. Энергично помахать руками, поприседать, разогреться, растереться... Заряд бодрости на целый день... Поспать бы еще часа три – тоже заряд бодрости.

Так, пора вставать. Даже с закрытыми глазами чувствую – 6.55.

Пи-пи-пи-пи-пи-пи-пи... – запикал будильник, и тут же вспыхнул свет. Теперь – все делать в темпе. Протираю глаза и шлепаю в ванну. Б-р-р! Опять холодная! Надо регулятор менять, а то и простудиться недолго. Ничего, сейчас полотенцем разотремся, опять же вместо зарядки – и на кухню.

Яйцо, творог, бутерброд и кофе... Творог соевый, а кофе, по-моему, из горелых опилок... Служба питания свое дело знает. Невкусно, зато калорийно и безвредно. Интересно, они сами это пробуют?!

Опять пищит будильник. Ого! Надо поспешать. Жую на ходу, влезаю в комбинезон – черт, так вчера застегжку и не наладил, ладно, сойдет, ремень потуже затянуть – и к лифту. Дверь захлопывается, слышно, как в квартире загудел уборщик.

Почему-то по утрам в лифте всегда пахнет грымзем пластиком. Запах, не то чтобы противный, а какой-то тревожный, неживой. Лифт – старый, ровесник дому – дома эти строились в конце двадцатых, в рамках Национальной программы решения жилищной проблемы.

Приехали. Теперь бегом по тоннелю, впрочем, можно особо не спешить, как раз успеваю – вон уже хвост подземки показался. С ходу р-раз – внутрь, в толпу, животом вперед – и можно ноги подгибать, не упадешь. Спереди, сзади, с боков – плечи, спины, головы... Ни одного лица не видно капюшоны, капюшоны... Укрылись и спят. И ладно, я тоже капюшончик накину и подремлю. Благо через весь город ехать...

Я в детстве шепелявил, вместо "с" – "ш" говорил. Сколько со мной в школе бились, пока к врачу не отвели. И ничего, помогло. Он меня потом даже скороговоркой обучил говорить: "Спит спокойно старый слон, стоя спать умеет он..." Как насчет слонов, не знаю, кроме как в телевизоре, я их не видел, а вот стоя спать – пожалуйста, сколько угодно. И даже сны вижу.

...Во! То-то я чувствую, в голове что-то сидит. Мне же сегодня всю ночь сон снился. Станный какой-то... Будто сижу я на холме, а кругом – поля, поля... Ни одного дома рядом, земля серая, трава пожухлая, кустики невдалеке растут чахлые, листья на них мелкие, редкие и вроде лиловые. Небо темное, низкое, прямо над головой нависло, а солнце большое, раза в два больше, чем на самом деле, а тепла не чувствуется, и глядеть на него больно. Слева опять кусты, много их, словно лужа лиловая, а справа, на горизонте, не то холмы, не то кучи камней. Черные, как обугленные. И главное, я будто не я, а кто-то другой. И мысли чужие, не мои, и чувства отчетливые такие: холодно и есть хочется, а уйти нельзя, вроде бы я жду или охраняю чего-то. Одним словом, странный какой-то сон, непонятный. Надо Максу рассказать, он парень башковитый, разберется, что к чему. К чему, к чему, к чему...

Фу, черт! Заснул, что ли? И время незаметно пролетело, через две станции выходить. Хорошо, что у Комбината многие выходят, а то бы – ни за что к двери не протолкаться.

Двери с шипением раздвигаются, и людские волны несут меня от стоянки метро прямо к лифтовой площадке.

Очередь длинная, но движется быстро, благо работают все десять шахт, унося вверх бесконечные вереницы ячеек. Три минуты ожидания, и я вместе с пятеркой молчаливых парней, судя по цвету комбинезонов – из Службы Внутреннего Контроля, плавно поднимаюсь в самые недра Комбината. Поднимаемся молча, говорить не о чем, да с Контролерами особенно не поговоришь, народ это все больше замкнутый и подозрительный. То ли специально таких набирают, то ли работа их такими делает – поищи-ка шпионов и саботажников пять дней в неделю по шести часов в день, озвереешь!

Лифт замирает. Черный глазок телекамеры начинает поочередно обводить каждого из нас. Надо повернуться к нему лицом и четко назвать свое имя, личный номер, отдел и должность. Говорю, стараясь произносить слова разборчиво и неторопливо, и, как всегда, несколько нервничаю – хоть и редко, но компьютер иногда ошибается и лупит ни в чем не повинных людей шоковым разрядом... Потом, конечно, разберутся, извинятся даже, но ведь это потом... Контролерам хорошо – назвали какую-то цифру, каждый свою, и все, гуляй по всем этажам хоть целый день. А мне – только до своего и вниз. Ровно в 9.00 лифт блокируется, и наверх никак не попасть, как говорится, "кто не успел, тот опоздал". Ровно в 15.30 начинается спуск, в полчетвертого, и ни минутой раньше.

Ну вот, задумался, а уже мой этаж. Контролеры, как по команде, повернули головы и уставились на меня. Посылаю их подальше (про себя, разумеется) и быстро выхожу в коридор.

Только успеваю надеть халат и пристегнуть датчики, как раздается троекратный звонок. Начало рабочего времени. Тут же вспыхивают многочисленные экраны и экранчики на пульте. Нажимаю кнопку, загорается зеленая лампочка. Теперь я готов к работе, и об этом знают все, кому положено.

Привычным взглядом фиксирую экраны – норма. На всех одна и та же картина через голубовато-зеленое поле, слева направо, чуть подрагивая, пробегает светящаяся точка. Стоит ей отклониться от прямой, как тут же раздается звуковой сигнал и не смолкает до тех пор, пока показатели не придут в норму. Моя задача – вовремя отреагировать на сигнал и послать сообщение в нужный сектор, обязательно получив подтверждение: сигнал принят и понят. Но сигналы бывают редко, не чаще, чем раз в два-три дня, так что обычно мое рабочее время проходит в раздумьях и неторопливых разговорах с напарником. Мне даже раньше приходило в голову, что нас здесь держат только для того, чтобы

не платить соцпособие. Но вообще-то отдел обслуживает систему энергообеспечения, а Комбинат – это такая запутанная машина, что выйти из строя может быстро, а вот налаживать – ох, как долго. Поэтому все жизненно важные системы дублируются по несколько раз; вот и сидим мы, пялим глаза в экраны, бдим.

Одно время пытались полностью перейти на автоматику, дескать, люди есть люди – существа несовершенные, опять же и скрытый саботажник в святая святых затесаться может, но пару раз крепко обожглись. Суперкомпьютер, конечно, вещь передовая, но иногда от непонятных причин способен на непрогнозируемые и, мягко говоря, неприятные сюрпризы, так что полностью положиться на него пока еще нельзя. Вот и посадили нас, Техников-Смотрителей, за машиной и друг за другом наблюдать – мало ли что... Ну, за машиной – еще туда-сюда, а саботажников и вредителей пускай Контролеры ищут, им за это деньги платят, причем неплохие. Да и для того, чтобы какую-нибудь серьезную пакость сотворить (это при многоступенчатой-то системе дублирования!), необходимо, как минимум, четырем-пяти отделам сговориться, а это нереально. Так что наше дело простое – сиди, не зевай! Писать, читать и играть в настольные игры категорически запрещается. Это строго контролируется и жестоко карается немедленным увольнением без права работы на предприятиях Комбината. Конечно, рядом со мной никого, кроме Макса, нет, но мы оба слишком хорошо знаем, как пристально следят за всеми работниками скрытые в стенах телекамеры. Так что, от греха подальше, лучше и не пытаться нарушать Устав, тем более, что пронести на Комбинат книгу, не говоря уже о шахматах или кирсте, – дело невозможное. Ну, что ж!

"Единственная подлинная роскошь -это роскошь человеческого общения", – как сказал один француз много лет назад. Хорошо, хоть беседовать не запрещено. Вот только с моим напарником много не пообщаешься. Вон сидит в кресле, развалился, резинку жует... Общаться с ним трудно. Час может, молча сидеть два часа, три... Свихнуться можно. Захочет – ответит, не захочет – нет. Чаше не хочет. Но попробовать можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pasman_arkadiy/chernyy-dozhd

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)